

Об устройстве русских стихотворных компиляций XVII в.

Составление стихотворной компиляции — особый вид работы с текстом, широко практиковавшийся в XVII в. Самым известным русским компилятором этого времени считается Сильвестр Медведев: его поздравительные вирши и весь «страстной цикл» выполнены в «мозаичной технике» [см.: Сазонова 2006: 186—194]. Для Сильвестра Медведева такой способ написания стихов был, очевидно, возможностью продлить поэтический путь своего учителя, Симеона Полоцкого, к творчеству которого он и обращался. Однако и среди поэтов первой половины столетия встречаются компиляторы, составляющие из стихотворений своих современников (как отрывков, так и полностью приведенных текстов) новые сочинения. Зачастую в пределах одной компиляции обнаруживаются тексты разных авторов и даже различной тематики, но существует принцип, по которому те или иные стихотворения сгруппированы в одно сочинение. Этот принцип может быть заявлен анонимным составителем в самом начале. Так, известная компиляция, впервые опубликованная А. М. Панченко [см.: Панченко 1973: 242—244], начинается стихотворным заголовком: «Послания многоразлична, // а в них описует имена отлична». Четыре стихотворения, заключенные в этом тексте, содержат акrostихи с именами: Нафанаил, Мартирий, Мардарий, Алешка Раманчуков. Первые три стихотворения по сложившейся традиции рассматриваются и публикуются в связке: в них одинаковое количество строк (в каждом по восемь), составляющих по первым буквам короткое имя, — возможно, творческие опыты одного автора или авторские пометы разных стихотворцев. Все четыре известных списка этих стихотворений представляют собой компиляции; в обособленном виде ни одно из посланий до нас не дошло.

Между тем существует еще одно похожее восьмистрочное стихотворение [см.: Тит-1121: 303], опубликованное

Д. С. Лихачевым [см.: Лихачев 1948: 38—39], в котором по вертикали вычитывается имя Митрофан. Исследователь рассматривает его как феномен любовной лирики в XVII в., ссылаясь на сходство со стихами Федора Дея. Однако наиболее красноречивые фрагменты этого текста обнаруживаются в другой компиляции [см.: МГАМИД-250: 343об.—347об.] наряду с фрагментом стихотворения «Нафанаил». То, что отрывки расположены недалеко друг от друга и старательно вписаны составителем в общую канву компиляции, позволяет говорить о некоторой связи, существующей в сознании компилятора между вышеупомянутыми текстами, — по крайней мере, об их тематической близости. Стоит подробнее сказать о характере и составе этой компиляции.

К концу XVII — началу XVIII в. можно отнести создание обширного рукописного сборника, над которым потрудился не один писец. В его состав входят как прозаические произведения (от собрания афоризмов по алфавиту до переводных дидактических сочинений), так и виршевые творения разных авторов (от опытов приказных стихотворцев до поэзии Симеона Полоцкого). Рассматриваемая компиляция представляет собой стихотворный текст объемом в 129 строк, написанный неравносложными виршами с парной рифмой, переходящей в прозу заключительной строкой (возможно, в рассматриваемом списке компиляция приведена не полностью). Эти и другие признаки позволяют датировать текст 1-й половиной XVII столетия. Состав компиляции разнообразен. Ей также предпослан стихотворный заголовок. В самом начале автор-составитель обозначает:

Кы писано разное собраниеца,
Иногда чтущему что понравитца
[МГАМИД-250: 343 об.].

Другими словами, никакого содержательного или формального единства составитель не заявляет. При этом входящие в состав компиляции тексты затрагивают определенный круг тем.

Логично предположить, что заинтересовавшие компилятора тексты обладают также достаточным уровнем обобщения, поэтому в состав этого сочинения входят поучительные изречения, максимы. Так, двоестрочия в начале и в конце компиляции похожи на отдельные зарифмованные афоризмы — слова из Пчелы, народные пословицы и др. («Лѣствица утвержена твердо во время труса не распадется, // Така же и умнова мысль во время думы не устрашится. // Храбрии вои во время рати познаваются, // А вѣрнии друзи в бѣдахъ искушаются» [МГАМИД-250: 343 об.]). Возможно, эти двоестрочия являются фрагментами одного текста, но оригинал нам неизвестен. Кроме них в компиляции прочитываются: разрозненные строки неизвестного послания (начальные стихи с косвенным указанием на адресата), строки из вышеназванного стихотворения с акростихом Митрофан (четыре из восьми), двоестрочие из стихотворения с акростихом Нафанаил и два фрагмента, которые предположительно принадлежат к разным, неизвестным ранее посланиям. Примениительно к одному из них устанавливается авторство Михаила Злобина (подробнее об этом см. ниже). В основном тексты, составляющие компиляцию, так или иначе пропускают через себя тематические нити: мудрость, истина, дружба. Фрагменты стихотворения «Митрофан» в данном контексте читаются именно как дружеские приветствия. В сборнике МГАМИД-250 сказано: «Темность облачная закрывает свѣтъ сердечный, // Разлучение же от друга наноситъ мракъ вѣчныи» [МГАМИД-250: 343 об.—344]. В то же время в рукописи Тит-1121 вместо слова «друга» читается «тебя», сообщающее тексту некоторую долю лиризма в современном понимании.

Наибольший интерес в составе компиляции представляют собой, пожалуй, вирши Михаила Злобина. Автор атрибутируется по сохранившемуся акростиху: АЛЕКСПЕЮСАВИНОТИИЧИРАДОВАТИМЯМИИАЛКОЗЛОБЖНЧЕ... Он испорчен при переписке, но легко восстанавливается: Алексею Савиновичу радоваться, Михалко Злобин челом биет. Вероятнее всего, адресатом послания является Алексей Саввич (он же Савинович)

Романчуков, находившийся с Михаилом Злобиным в приятельских отношениях. Последние семь букв акростиха угадываются, поскольку хорошо известна приветственная формула такого образца: «Для акростишной фразы типичен следующий рисунок: такому-то (имярек) радоватися — такой-то (имярек) челом бьет...» [Панченко 1972: 243].

Существуют и косвенные указания на авторство Злобина: в послании Василию Львовичу Волкову [см.: *Виршевая поэзия* 1989: 220—224] обнаруживается тот образ студеной воды, мотив противопоставления золота с серебром добродетели и милости. Вообще же тема бедности, подаваемая как ключевая, причитывающе-просительный тон — характерная черта всех посланий, безусловно атрибутируемых Михаилу Злобину, и рассматриваемый текст не является исключением. В составе послания имеет место стихотворная формула, многократно использованная справщиком Савватием:

Юхание благовонно услаждает челоуѣческие чювства,
Самы же велеумный мужь исполнять друга велеумства
[МГАМИД-250: 344].

Ср. у Савватия:

Юхание благовонно сладостно входит во обонянное чувство,
Любление же дружие подает многое доброразумство
[Виршевая поэзия 1989: 188].

Юхают убо в полях и наслаждают благово князя цветы,
Како же наудивляются в мудрых мужей советы
[Виршевая поэзия 1989: 197].

Факт использования этой и ряда других общих формул подтверждает близкие контакты стихотворцев. Но несмотря на то что Михаил Злобин использует традиционные высказывания о мудрости, в этической системе понятий поэта наивысшим статусом обладают идеи о милости и любви к ближнему, страхе Божьем. Поэтому мудрый, разумный человек — это

тот, кто милостив, ведь он знает, что сам может оказаться на месте страждущего. Апеллируя к христианской добродетели, стихотворец непременно приводит читателя к мысли о необходимости помочь другу, оказавшемуся в беде и нищете. И далее вводится пассаж-причитание («Аще и вся тварь болѣзнуеть, но не тако, чаю, яко же азъ единъ отъ прочихъ» [МГАМИД-250: 345]), в котором часто возникают природные образы непогоды, темного времени суток.

За пределами акростиха оказываются еще два фрагмента анонимных посланий. Строки одного из них проглядывают в начале компиляции. Это традиционное обращение-величание собеседника:

Истиннаго еси любомудрия хранитель,
Чести же своя неложный правитель,
Всегда о твоеи милости утѣшаюся...

И через небольшой интервал:

Восприими сие писание мое не яко грубо.
Миры тебѣ государь совсѣмъ твоимъ праведнымъ домою,
Буди хранимы содѣтелемъ нашимъ Богомъ...
[МГАМИД-250: 343 об.]

Просьбы о снисхождении к своему тексту, пожелания адресату благополучия на земле и на небесах — все это также традиционные риторические составляющие стихотворного послания, используемые независимо от отношения автора к собеседнику.

Не менее 30 строк составляет послание, акростих в котором также не прочитывается. Основная часть текста стилистически и тематически однородна, что позволяет говорить об использовании компилятором целого послания, а не набора разрозненных сентенций. Можно предположить, что этот текст также принадлежит перу Михаила Злобина — в нем снова звучит тема бедности и разворачивается знакомый образный ряд:

Мнѣ же, окоянному, и солнце лучи своя скры,
И лунное озарение свѣт свои во тму премѣни.
Излития ради слезѣ моихъ
Господемъ Богомъ молю твое достохвалное благоумие:
Разрѣшити бы тебѣ всюду мое неразумие
[МГАМИД-250: 346].

Ср. в атрибутированном фрагменте:

Ижебо солнце лучм своя премѣни,
Мнѣже окоянному свѣта *сего* чювьственного
излития ради слезнаго тмою помрачи
[МГАМИД-250: 345].

Существует вероятность того, что этот текст — продолжение уже описанного выше послания к Романчукову, хотя и без акростиха. Поэты приказной школы неоднократно по окончании «краегласия» продолжали свои вирши. Таким же образом написаны стихи Злобина, адресованные дьяку Волкову [см.: *Виршевая поэзия 1989*: 220—224]. Можно еще заметить, что традиционная приветственная формула акростиха суховата для послания Михаила Злобина к Алексею Романчукову: скрытый текст другого послания к нему содержит, как известно, слова «пожалуй Михалку винца», потому продолжение вполне может иметь место в оригинальном варианте стихотворения. Впрочем, не стоит исключать и вероятности того, что перед нами умелая работа компилятора, и он лишь подобрал похожие тексты, возможно, отвечающие его собственным переживаниям и жизненным установкам.

Текстовое полотно компиляции выткано библейскими образами. Это и хорошо известный древнерусской литературе образ доброго пастыря и учителя, и аллюзия на притчу о сынах века сего, и воззвание к имеющим разум. Развернутое сравнение истинной любви с золотым сосудом и ложной преданности человеку с сосудом скудельным, который разобьется при первом же столкновении, отсылает ко второй главе Второго Послания апостола Павла к Тимофею (2 Тим. 2: 20).

Об устройстве русских стихотворных компиляций XVII в.

Не последнее место занимает и пласт народной культуры, пословичных мудростей, приводимых в тексте. Так, представляются связующими нитями следующие пары высказываний:

Истинно речася, яко вѣренъ другъ в нуждахъ познавается
И вовремя самые напасти не измѣняет<...>ся
[МГАМИД-250: 344 об.].

Храбрии вои во время рати познаваются,
А вѣрнии друзи вбѣдахъ искушаются
[МГАМИД-250: 343 об.].

Правда кривду всегда одолѣваетъ,
А кривда николи без нарушения не бываетъ
[МГАМИД-250: 347].

Не есть таина, еже не открыеться,
И мудрость, еже не разумѣеться
[МГАМИД-250: 347 об.].

По пересечениям такого рода можно понять, что автором компиляции и, возможно, авторами изначальных текстов, послуживших материалом для компилятора, слово «любовь» употребляется для характеристики близких дружеских отношений, преданности человека человеку; под словом «правда» подразумевается мудрость и способность жить в соответствии с христианскими нормами поведения.

Одним из ключевых принципов понимания стихотворного произведения XVII в. является рассмотрение его в контексте других поэтических сочинений. Компиляция не только доносит до исследователей неизвестные тексты, но и позволяет разглядеть идейно-тематическое зерно конкретного сочинения путем сопоставления его с другими произведениями и фрагментами, оказавшимися в тесном соседстве.

СОКРАЩЕНИЯ

Виршевая поэзия 1989 — Виршевая поэзия (первая половина XVII в.) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. К. Былинин, А. А. Илюшин. М., 1989.

Лихачев 1948 — *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе // Ученые записки Государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Л., 1948. Т. 67. С. 38—39.

МГАМИД-250 — Российский государственный архив древних актов. Ф. 181 (Собр. Рукописного отдела Московского главного архива Министерства иностранных дел). № 250. Сборник. Конец XVII в.

Панченко 1972 — Несколько замечаний о генеалогии книжной поэзии // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1972. Т. 27. С. 236—246.

Панченко 1973 — *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973.

Сазонова 2006 — *Сазонова Л. И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.

Тит-1121 — Российская национальная библиотека. Собр. А. А. Титова. Сборник. XVII в.